

Элизабет Мид-Смит

Дедушка и внучка

Элизабет Мид-Смит

Дедушка и внучка

«Public Domain»

1911

Мид-Смит Э.

Дедушка и внучка / Э. Мид-Смит — «Public Domain», 1911

«Дороти Сезиджер сидела на зеленой свежей лужайке, залитой ярким солнцем, среди травы, из которой выглядывало множество чудесных белых маргариток. Ее тетка Доротея смотрела на девочку из окна своего будуара, помещавшегося в нижнем этаже старинного дома, где жили многие поколения рода Сезиджер. Дороти шел седьмой год. Она была одета в белое платье, мягкое и широкое, волнами рассыпавшееся вокруг нее. На довольно худеньком личике светились очень серьезные черные глаза; на голове вились густые темные волосы. Девочка скинула шляпу, которая теперь лежала на траве, и усердно плела гирлянду из маргариток, на ее коленях было множество этих маленьких цветов. Личико малышки казалось серьезным и озабоченным...»

© Мид-Смит Э., 1911

© Public Domain, 1911

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	15
Глава IV	20
Глава V	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Элизабет Мид-Смит

Дедушка и внучка

* * *

Глава I

Гирлянды из маргариток

Дороти Сезиджер сидела на зеленой свежей лужайке, залитой ярким солнцем, среди травы, из которой выглядывало множество чудесных белых маргариток. Ее тетка Доротея смотрела на девочку из окна своего будуара¹, помещавшегося в нижнем этаже старинного дома, где жили многие поколения рода Сезиджер.

Дороти шел седьмой год. Она была одета в белое платье, мягкое и широкое, волнами рассыпавшееся вокруг нее. На довольно худеньком личике светились очень серьезные черные глаза; на голове вились густые темные волосы. Девочка скинула шляпу, которая теперь лежала на траве, и усердно плела гирлянду из маргариток, на ее коленях было множество этих маленьких цветов. Личико малышки казалось серьезным и озабоченным. Она крепко сжала розовые губки, тяжело вздохнула и прошептала:

– Что за несносные, непослушные цветы!

И когда она произносила эти слова, между нежными, точно нарисованными кисточкой, тонкими бровями появилась легкая морщинка.

Мисс Доротея Сезиджер внимательно смотрела на маленькое милое существо. Дороти еще не минуло и семи лет, а между тем она захватила в свои владения всю лужайку. Тетя Доротея была страшно худа, костлява, угловата; свои волосы она причесывала по старинке гладко и отличалась замечательной опрятностью. На тонких пальцах блестело множество дорогих колец, на груди красовалась старинная жемчужная брошка, худое тело покрывало старомодное атласное платье, плечи облегалась небольшая кружевная черная шаль.

Доротея сидела в своем будуаре, который, правда, еще сохранял следы былого изящества, но ясно доказывал, что теперь хозяйка совсем забросила его.

Ребенок, игравший на лужайке, был весь облит золотистым солнечным светом и казался до того непохожим на Доротею, что его можно было принять за существо из другого мира. А между тем между этой прелестной девочкой и исхудалой старой девой существовало большое семейное сходство. Только в каждом движении, в каждом взгляде Дороти проглядывали бодрость, смелость и резвость, у Доротеи же была запуганная душа и никакой смелости. Природную живость и отвагу в ней уничтожила жизнь в полном подчинении своевольному отцу.

– Дедуля, время прошло! – прозвучал тоненький, светлый, пронзительный голосок.

Дороти поднялась с травы, оправила белое кисейное² платьице, откинула темные кудри и перебежала через лужайку, направляясь к другой стороне дома. Тетя Доротея вздрогнула: она слышала, что сказала девочка, и видела, куда та направилась.

«Что теперь будет? – подумала Доротея. – Мне даже страшно себе это представить! Он жестоко обойдется с ней; скажет что-нибудь недоброе, по своему обыкновению. Всегда так бывает».

– Дедушка, дедушка! Время прошло, совсем прошло! Ты нужен Дороти, – детский голосок звучал повелительно.

«Не сойти ли вниз, не увести ли ее лучше, пока он не заговорил? – подумала тетушка Доротея. – Он всегда спит в это время. Нет, нет, мне слишком, слишком страшно. Ах, если бы я не так ужасно его боялась. Я не хочу, чтобы это маленькое создание перестало быть смелым. Но ведь он сломит каждого! Он убил во мне всякую бодрость и решительность... Мне уже сорок три года, а я никогда не жила по-настоящему. Я только ела, спала и делала то, что он

¹ Будуар – дамский кабинет или комната перед спальней, где светская женщина проводила день и принимала посетителей.

² Кисейный – сделанный из кисеи, тонкой хлопчатобумажной ткани.

велит. А вот Дороти, которой нет еще и семи, не боится никого и ничего. Но он, конечно, запугает и ее. Бедная, бедная девочка».

– Дедушка, дедушка, – продолжал звать веселый звонкий голос.

Ответа не послышалось, и маленькое создание с длинной гирляндой из маргариток, обмотанной вокруг шейки, забралось в открытое окошко и остановилось на старом, совершенно истертом ковре, глядя на дряхлого человека, который спал в большом глубоком кресле.

Сэру Роджеру Сезиджеру было под восемьдесят, но выглядел он лет на десять старше. Когда-то он был очень высок, теперь же сгорбился так сильно, что казался чуть ли не низкорослым. Прежде его считали очень красивым, и даже теперь, в старости, его черные глаза ярко блестели и смотрели пристальным, пронизательным взглядом. В ту минуту, когда к нему вышла Дороти, они были закрыты, и это показалось девочке очень странным. Она сложила маленькие ручки и задумчиво посмотрела на деда.

«Он спит крепким сном, – подумала малышка. – А я сказала ему, что он должен проснуться в четыре часа, и сплела две гирлянды – одну для него, другую для себя. Я помню, как мама всегда говорила, что нужно держать данное слово».

Она сделала три шага вперед. Крепко спавший старик не подозревал, что внучка стоит перед ним. Слабый румянец выступил на нежных щеках девочки. В эту минуту она была очень хороша, хотя смуглое личико немного походило на лицо южанки. Быстро-быстро Дороти вскарабкалась на колени спящего и ловкими пальчиками накинула гирлянду из маргариток ему на шею.

«Раскрыть ему пальцами глаза или нет?» – размышляла она.

Старик сидел, откинувшись на спинку кресла, и Дороти устроилась у него на коленях. Увидев, что понемногу сползает, девочка взяла большую руку деда и обвила ее вокруг своей талии.

«Теперь мне гораздо удобнее, – подумала она. – Как мне нравится дедушка, он похож на папу».

– Эгей! – прозвучал ее голос.

Старик сильно вздрогнул, чуть не уронив на пол маленькое, похожее на бабочку, создание, усевшееся на его коленях.

– Что это, Дороти?

– Что, дедуля? Знаешь, следует держать данное слово! – объявила она.

Старик смотрел на девочку с таким выражением, которое, конечно, никогда не появлялось у него в глазах при виде его дочери Доротеи. Маленькая Дороти тоже смотрела на него смеющимися глазками, смотрела весело, ласково и доверчиво.

– Держи меня чуть-чуть покрепче, дедуля; я чуточку сползаю, – сказала она. – Вот теперь хорошо. Ну, ты славно поспал?

– Кто тебе позволил прийти сюда? – сурово спросил дед.

– Никто. Я просто взяла и пришла.

– Ты не должна больше этого делать. Никогда не приходи больше.

Эти слова, казалось, на минуту озадачили Дороти.

– Знаешь, тебе не идет хмуриться, – сказала она. – Пожалуйста, держи меня покрепче! Мне очень неприятно, что я сползаю. Мама всегда держала меня крепко. Вот, так лучше. Ну, разве нам не хорошо вместе? Правда? А ты знаешь, что на тебе гирлянда из маргариток и что я нарочно сплела ее для тебя?

– Тише, тише, – поморщился старик.

Ему хотелось сорвать с шеи гирлянду, но он лишь быстро и резко выпрямился. Гирлянда разорвалась и упала на пол.

– Ах, зачем ты это сделал? Это очень грубо!

Глаза девочки наполнились слезами. Она соскочила с колен деда, подняла длинную разорванную гирлянду и постаралась поправить ее.

– Пойдем в сад, сделаем другую гирлянду, – предложила она как ни в чем не бывало. – Сегодня такая чудесная погода, так ярко светит солнышко, а здесь у тебя в комнате ужасно. Пойдем, пойдем сейчас. Ах ты, старый, старый лентяй. Если бы ты проспал еще с полсекунды, я непременно подняла бы тебе веки. Знаешь, ты не должен был нарушать данного слова.

– Замолчи! – перебил ее старик. – Ты самая ужасная непоседа, которую я когда-нибудь видел в жизни.

– Ну, а ты ужасное-преужасное чудовище. Лучше быть ужасной непоседой, чем чудовищем.

Он опять сердито посмотрел на нее. Она ответила деду смелым взглядом и вдруг весело и звонко расхохоталась.

– А знаешь, зачем я сюда приехала?

– Уж конечно, не затем, чтобы будить меня, когда я отдыхаю. Я поговорю с твоей тетей Доротеей. Она положит этому конец.

– Мапочка сказала, что я должна полюбить тебя, что я должна открыть свое сердце и посадить тебя в него. Ты очень большой и смотришь на меня не особенно ласково, но мама говорила, что ты хороший, что ты очень хороший, значит, ты такой и есть. Ну, а теперь пойдем в сад!

Никто не мог бы сказать, какие чувства зашевелились в сердце Роджера Сезиджера, когда он услышал слова маленькой внучки, но старик внезапно наклонился, откинул темные волосы со лба Дороти и поцеловал ее.

– Твой отец был моим сыном. Я выгнал его из дома и проклял, но ты не знаешь, что значит проклясть.

Дороти молча покачала головкой.

– Он умер, а тебя привезли сюда. Как же ты можешь любить меня, когда я выгнал его из дому? Спроси тетю Доротею.

– Я не понимаю, что ты говоришь, – сказала малышка. – Я помню, что мама и папа говорили мне о тебе, и отлично знаю, что я должна делать. Поэтому вставай-ка, дедушка, пойдем в сад и давай плести гирлянды из маргариток.

Когда тетя Доротея увидела, что Дороти идет по лужайке и ведет за руку дедушку, у нее закружилась голова, и она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

«Если бы я не увидела этого своими собственными глазами, никому бы не поверила, – подумала она. – Мой отец, мой строгий, суровый отец разговаривает с этим ребенком! Посмотрим, что они теперь будут делать».

Доротее очень не хотелось, чтобы ее кто-нибудь увидел, поэтому она осторожно опустилась на колени за истертой оконной занавесью и, чуть-чуть отодвинув ее в сторону, стала смотреть в щелочку.

Увиденное поразило женщину: старый сэр Роджер Сезиджер сидел на лужайке, усеянной бесчисленным количеством маленьких красивых маргариток, а Дороти заботливыми пальчиками усердно плела свежие гирлянды из цветов, а потом надевала их на шею и на руки деда. При этом она болтала всякие милые пустяки, и нежный, серебристый смех разносился в свежем летнем воздухе. Удивительнее всего было то, что время от времени раздавался странный глухой звук, который трудно было бы назвать настоящим смехом, но во всяком случае он слетал с губ человека, которого мисс Доротея Сезиджер боялась больше всего на свете.

«Да, он совсем потерял голову, – шептала она про себя, – он сидит на траве, и эта девочка делает с ним все, что ей вздумается. Пожалуй, он смертельно простудится. Насколько я помню, он никогда не делал ничего подобного. Когда мы с братом были детьми, он никогда не играл с нами. Мы никогда не надевали ему на шею гирлянд из маргариток, а теперь он, такой старый

и дряхлый, неосторожно садится на траву. Право, я должна поговорить с ним. Я непременно поговорю. Ведь он простудится, жестоко заболеет, и мне придется послать за доктором. Ах, что мне делать, что делать? Я боюсь потревожить его. Он непременно рассердится, но что-то делать нужно».

Беспокоилась не только Доротея Сезиджер, но и ее горничная, которая в это время вошла в комнату и подала своей госпоже чашку очень слабого чая и маленький тонкий кусочек хлеба, намазанный еле заметным слоем масла.

– Ах ты, господи Боже мой, мисс, – прошептала она.

Доротея повернулась и посмотрела на нее испуганными глазами.

– Не говорите ничего, Мэри, мы не должны вмешиваться в его дела!

– Это дитя – благословение неба, – промолвила служанка. – Она ни на кого не похожа. Посмотрите, посмотрите, мисс! Вон оба садовника стоят и смотрят сквозь зеленую живую изгородь. Право, не знаю, что подумают Джонсон и Петере.

– Что бы они ни подумали, – сказала Доротея Сезиджер, поднимаясь с колен и оборачиваясь к Мэри, – пусть они лучше ничего не говорят. Это их совсем не касается.

– Конечно, не касается, мисс. Но боюсь, как бы сэр Сезиджер не заболел ревматизмом или чем-нибудь еще хуже. Ведь он совсем не привык сидеть на траве.

– Я не могу ничего сделать; я не могу вмешиваться в его дела, – повторила Доротея и повернулась к столику, на котором ее ждал чай.

Мэри тихонько вышла. Тетя Доротея выпила чай и съела хлеб с маслом. Бедняжка была очень голодна. В богатой усадьбе Сторм досыта не ел никто. При этом Сезиджеры вовсе не нуждались: их не тяготили долги, и у них было большое богатое имение. Со всех ферм поступали хорошие доходы, кроме того, сэр Роджер хранил в банке большие деньги и ценные бумаги. Род Сезиджеров давно жил в усадьбе Сторм, и если бы старый дом умел говорить, он мог бы порассказать многое. В том числе и об ужасном пороке, который передавался от отца к сыну. Почти все владельцы усадьбы Сторм отличались скупостью, но сэр Роджер был первым скупцом из скупцов, скрягой в полном смысле этого слова. Его скупость граничила с безумием: он не подновлял ни дома, ни других зданий Сторма и занимался только лишь приумножением своих денежных мешков.

В старом большом доме почти не было слуг. За громадным садом присматривали всего два садовника, хотя нужно было нанять по крайней мере десять или двенадцать человек. Правда, Доротее прислуживала отдельная горничная, но только потому, что никакая сила в мире не могла бы заставить Мэри бросить свою госпожу. Служанка получала жалованье когда придется и сколько придется.

В доме жил также старый буфетчик по имени Карбури, бывший арендатор, и он делал все, что было в его силах, чтобы поддержать порядок в доме. Карбури невозможно было выгнать, так же как нельзя было отказать от места Мэри. Двое этих преданных слуг выполняли практически всю работу. Правда, в доме было еще место судомойки, но на нем никто долго не задерживался. Обыкновенно на эту должность брали девушку на пробу – на месяц. Чаще всего по истечении этого срока прислуга уходила, потому что работы было слишком много, а еды слишком мало, да и та была откровенно плохой.

У сэра Роджера Сезиджера и его жены было двое детей – Доротея, которая сейчас с такой тревогой и удивлением смотрела на маленькую Дороти из окна своего будуара, и сын, наследник всех земель, принадлежавших усадьбе Сторм. Много лет тому назад этот сын ушел из дома. Его история была очень печальна, унижительна для него и имела отношение к странной маленькой девочке, которая стояла на лужайке и ловкими пальчиками украшала полевыми цветами своего старого дедушку – сэра Роджера.

Глава II

После ужина

Доротей Сезиджер отличалась замечательной точностью и аккуратностью. К ужину она всегда наряжалась. Год от года Доротей надевала одно и то же старомодное платье, сделанное из бледно-зеленого атласа с длинной талией и с короткими рукавами. Мисс Сезиджер не знала, да и не хотела знать, что это платье совершенно не годилось для нее. Перед ужином горничная Мэри приносила его и с торжественным видом раскладывала на постели. Старая дева садилась перед зеркалом, и служанка причесывала ее, как им обоим казалось, очень искусно. Волосы разделялись пробором и укладывались вдоль бесцветного лица. В темных прядках блестело много седых волос, так что они казались пегими и прическа выходила некрасивая, но Доротей Сезиджер считала ее модной и ни за что не причесалась бы иначе. В уши она вдевала очень длинные серьги, шею обвивала тяжелой золотой цепью – одним из самых любимых своих украшений, – на руках застегивала толстые золотые браслеты. Потом она натягивала старые лайковые перчатки и брала с собой старинный разрисованный веер, который принадлежал еще ее матери.

В таком нелепом наряде она спускалась в большую гостиную и ожидала прихода сэра Роджера. Гостей они никогда не приглашали, так как сэр Роджер говорил, что это слишком дорого. Ужин подавали в маленькой столовой, окна которой выходили на лужайку, покрытую маргаритками.

Зимой в этой комнате стоял пронизывающий холод, и даже летом в ней было совсем не жарко. Войдя в гостиную, Доротей Сезиджер всегда останавливалась на одном и том же месте, а именно возле окна, которое обыкновенно бывало закрыто. Там она ждала отца, то раскрывая, то закрывая веер, играя перчатками и принимая вид женщины, привыкшей бывать в светском обществе.

Ужин подавали в семь часов, секунда в секунду, и Доротей приходила в гостиную за пять минут до этого времени. Без двух минут семь Карбури раскрывал дверь и появлялся сэр Роджер.

Старик точно так же соблюдал все старые обычаи. К столу он надевал «обеденный» костюм, его рубашка всегда блестела как снег, воротничок и манжеты тоже отличались белизной и свежестью. Он неизменно останавливался в нескольких шагах от дочери и каждый день замечал:

- Погода удовлетворительная.
- Да, – отвечала она.

Она всегда говорила «да», светило ли яркое солнце, падал ли снег, шел ли дождь. Ей и в голову не приходило противоречить отцу. И действительно, если бы она сделала это, ей пришлось бы плохо. Сэр Роджер не любил, чтобы с ним спорили.

В тот самый день, когда мисс Доротей увидела, как он играл с маленькой Дороти на лужайке, она взглянула на отца с затаенной тревогой, которую старалась всеми силами скрыть. Старик наморщил брови, но он всегда хмурился, и она не обратила на это внимания.

- Погода удовлетворительная, – сказал он.
- Она поклонилась, помахала веером и ответила:
- Да, отец.

Мысленно она спрашивала себя, не чувствует ли он себя нехорошо, оттого что сидел на траве, но задать этот вопрос у нее не хватило духа.

- Карбури распахнул обе половинки двери в столовую.
- Ужин подан, – сказал он.

Сэр Роджер подал руку дочери, и они медленно пошли в соседнюю комнату. Там стоял стол, накрытый на двоих. В одном конце сел сэр Роджер, в другом – его дочь. За ужином всегда подавался суп, но бульон чаще всего не имел ни вкуса, ни запаха. Да и немудрено: когда сэр Роджер чувствовал в супе хотя бы малейший аромат, он непременно говорил дочери:

– Этот суп слишком крепок, мне вредно есть такой густой бульон. Пожалуйста, завтра же скажи кухарке, чтобы она не делала такого сильного навара.

В действительности в доме уже давно не было ни повара, ни кухарки, и кушанья готовили Доротея и Мэри. На следующий день бедная мисс Сезиджер говорила, чтобы служанка прибавила побольше воды в суп.

На второе подавали рыбу, но выбирали самую маленькую и плохую, чтобы платить подешевле. Потом шло жаркое, и сэр Роджер обыкновенно замечал, что мясо – совсем ненужное кушанье, но Доротея изо всех сил старалась противиться отцу: она чувствовала, что будет не в состоянии жить, не съедая в день хотя бы кусочка мяса. Сэр Роджер заканчивал ужин бисквитом и ломтиком старого заветренного сыра. Мисс Сезиджер съедала какие-нибудь плоды или ягоды, если они созрели в саду. Пока она их ела, старик все время ворчал:

– До чего же ты любишь вкусные вещи! Это у тебя наследственное от твоей матери. Она тоже была ужасная лакомка.

Бедная мисс Доротея всегда хотела защитить свою покойную мать, но не осмеливалась. В тот вечер, о котором мы рассказываем, старик с дочерью после ужина вернулись в гостиную и начали играть в пикет³. Это тоже повторялось каждый день, и они занимались игрой ровно час.

Доротея опустила карты и решила заговорить:

– Дитя... – начала она.

Сэр Роджер уронил очки, наклонился, стал искать их на полу, наконец с трудом нашел и снова выпрямился. Только теперь лицо его покраснелось.

– Ну-с, мы будем продолжать игру, Доротея. Начни, пожалуйста.

– Но мне нужно поговорить с тобой о дочери Роджера, – опять сказала она.

Старик протянул руку, точно желая заставить ее молчать.

– Мы будем играть, Доротея, – строго повторил он.

Но мисс Сезиджер не могла молчать. Собрав последние капли мужества, она пролепетала:

– Я хочу знать, как ты намерен поступить с ней. Останется ли она здесь навсегда, и будешь ли ты всегда так неосторожен, как сегодня? Отец, я не часто вмешиваюсь в твои дела, ты это знаешь, но когда я увидела, что ты, пожилой человек, сидишь на траве (подумать только – на траве!) в не слишком-то жаркую погоду, я чуть не сошла с ума от страха. Мы так удивились...

– Кто это *мы*?

– Я хотела сказать... я хотела сказать, – повторила мисс Доротея дрожащим голосом и очень отрывисто, – что я удивилась.

– Ну, – сказал старик, – тебе, Доротея, полезно время от времени удивляться. Ты ужасно постарела; ты состарилась раньше времени. А это нехорошо.

И вдруг он прибавил совсем другим тоном:

– В чем дело, дитя?

Перемена интонации и быстрое движение старика так поразили Доротею, что она чуть не свалилась со стула. Обернувшись, она увидела, что дверь гостиной отворилась и маленькая тоненькая фигурка в длинной ночной рубашке переступила через порог и мелкими шагами вошла в комнату. Черные волосы падали на плечи девочки, щеки ярко горели, темные глаза были широко раскрыты и смотрели живым, веселым взглядом.

– Я не могу заснуть, – сообщила она.

³ Пикет – карточная игра.

– Сейчас же иди в постель, Дороти.

– Я не могу заснуть, дедуля, мне нужно посидеть у тебя на коленях.

И едва выговорив эти слова, она быстро вскарабкалась на колени старика.

– Вот теперь мне совсем хорошо, – девочка смотрела в глаза деда нежным, лукавым взглядом. – Ах, как я люблю тебя, дедушка, – прибавила она. – Знаешь, мое сердечко раскрылось, и я могу посадить тебя в него. Я так люблю тебя!

– Но, отец, если ты хочешь... – начала было Доротея.

– Тс... – сурово перебил старик. – Сегодня мне не хочется играть в пикет. Дороти, так нельзя, иди в постель.

– Я не могла заснуть, дедуля. Мама брала меня на руки, и папа тоже. А разве ты не хочешь поддержать меня на руках?

Она прижималась к деду, не обращая никакого внимания на тетю Доротею. Старая дева тихонько поднялась со стула, медленно прошла к старомодному дивану, сняла с его спинки вылинявший шерстяной плед и, подойдя к Дороти, прикрыла ее.

– Благодарю тебя, тетя, – сказала маленькая Дороти и принялась устраиваться поудобнее.

– Дедуля, – продолжала она через минуту, – рассказать тебе, как глубоко закопали моего папу?

– Нет, я не хочу об этом слышать.

– Я видела, как маму положили в ящик, крышку заколотили гвоздями. Потом унесли от меня. Я успела только поцеловать ее. Она была такая холодная... Дедушка, все бывает холодные, когда умирают?

– Не будем говорить об этом, Дороти.

– Почему нет? Ты сам когда-нибудь умрешь. Ведь ты уж старенький, совсем старенький. Я думаю, ты проживешь недолго.

– Дороти, как ты смеешь говорить так! – вмешалась Доротея.

Она так встревожилась, что не могла промолчать.

– Пусть она говорит, Доротея, – сказал мистер Роджер. – Если хочешь, можешь пойти к себе. Я сам присмотрю за ней.

– Я твоя девочка, правда, твоя? – Дороти прижалась к деду. – Только смотри не ругай тетю Доротею, это нехорошо. Она добрая. Мне жалко ее, и потом мне совсем не нравится, когда ты хмуришься. Разгладь лоб.

Бедная тетушка Доротея как пуля вылетела из комнаты, а маленькая Дороти обвила руками шею старика.

– Мне чуточку захотелось спать, – в голосе девочки зазвучало чувство глубокого удовлетворения. – И знаешь, мой дедуля, я тебя люблю, ужас как люблю! Мое сердечко открывается все шире и шире. Теперь уж скоро я совсем посажу тебя в него. Ну, скажи мне, пожалуйста, разве тебе не будет там хорошо и уютно?

– Пожалуйста, не говори пустяков, – заметил старый сэр Роджер. Его слова были суровы, но он произнес их ласковым тоном. – Я люблю маленьких девочек, которые...

– Которые что? – спросила Дороти, быстро выпрямилась, села и посмотрела на него. – Каких маленьких девочек ты любишь?

– Таких, которые в начале дня послушны, в середине дня послушны и вечером послушны. Дороти слушала с глубоким вниманием.

– А что, по-твоему, дедуля, значит «слушаться»? – спросила она после долгого молчания.

– Маленькая девочка должна слушаться своих родителей, воспитателей и делать все, что они ей скажут.

– Значит, я должна слушаться тебя и тетю Доротею? – поинтересовалась она.

– Ты должна слушаться меня. Слышишь? – заметил старик.

– Да, слышу, – ответила Дороти.

– Понимаешь?

– Чутьочку понимаю.

– И ты будешь слушаться?

– Н-нет, – ответила Дороти.

– Значит, ты очень дурная девочка.

– Думаю, да, – беспечно согласилась Дороти. – Знаешь, мне так хочется спать, и у тебя такие большие, такие славные, удобные руки. Вот я улягусь, прижмусь к тебе, закрою глаза, засну и во сне увижу маму и папу.

– Ты можешь заснуть через минуту, но раз уж ты приехала жить со мной, ты должна меня слушаться... Обещай мне быть послушной.

– Не могу обещать.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что ты такой... такой... чутьочку странный. И мне не всегда нравится то, что ты делаешь. Вот и к тете Доротее ты совсем не добрый. Ты славный, я люблю тебя, очень люблю, и я всегда очень стараюсь делать то, что тебе нравится, но *совсем* слушаться тебя я не могу...

Голос ребенка задрожал, будто она сдерживала слезы.

– Почему не можешь? – старик укутал ее поплотней и прижал к себе.

– Потому что ты не всегда бываешь добрый, и потом, знаешь, дедуля, ты не любил мою маму и моего папу.

– Ну, довольно, довольно, – сказал сэра Роджер, – я не хочу говорить с тобой об этом. Если ты будешь доброй и хорошей, я полюблю тебя. Но вижу, ты ужасно избалована. Здесь, в Сторме, тебя баловать не станут. Об этом позаботится тетя Доротеея.

– О, с ней я могу делать все, что мне захочется! Я могу обвить ее вокруг пальчика, вот так, – и Дороти выразительно крутанула большим пальцем.

– Ну, моя милая, я вижу, что тебе придется многому поучиться. Тебя привезли сюда, чтобы мы тебя воспитали, и мы посмотрим, кто здесь распоряжается.

– Ну, хорошо, посмотрим, – она подняла личико, протянула пухлые губки и, прижавшись ими к поблекшей, морщинистой щеке деда, еще раз прошептала: – Я люблю тебя, люблю, люблю. Ах, как хочется спать!

В ту же секунду она заснула крепким сном.

Старый Сезиджер принадлежал к числу самых суровых стариков во всем графстве. «Он тверд, как гвоздь», – говорили о нем.

Сэр Роджер жестоко поступил со своим сыном и без всякой жалости буквально выгнал его из дома. Только дочь Доротеея любила старика. Соседи не хотели сближаться с ним и держались от него на почтительном расстоянии.

Он никогда никого не приглашал в Сторм и сам никогда не ездил в гости, даже если к нему приходили приглашения. Своей дочери старик тоже не разрешал наносить визиты. Его сердце было плотно закрыто от всего мира. Сердца всегда закрываются, если некому их открыть.

Но теперь, когда он сидел в гостиной, в той унылой комнате, о которой никто не заботился, в которой ничего не изменилось со дня смерти леди Сезиджер, скончавшейся много лет тому назад, он почувствовал, что странная теплота пробирается к нему в душу. Эта теплота вызывалась близостью ребенка, маленькой, избалованной, непокорной, но доброй черноглазой девочки, приехавшей жить к нему совершенно против его желания и против его воли.

Однажды утром она, нежданная-незванная, переступила порог дома в Сторме и тонким голоском объявила дедушке, что будет у него жить. С ней приехала женщина, которая привезла верные доказательства того, что Дороти – дочь молодого Роджера и его жены – женщины, которая, по мнению старого сэра Сезиджера, была недостойна вступить в его семью.

Правда, он ничего не мог сказать о матери Дороти, кроме того, что она была незнатного происхождения, что ее отец жил где-то на ферме в Йоркширском графстве, что она была красива, весела, что она получила хорошее воспитание, сделалась гувернанткой, встретила Роджера в Париже и что он женился на ней. Роджер был счастлив с женой, и у них родилась дочка Дороти. Когда они оба умерли, девочку привезли в Сторм.

– Пусть остается, – решил сэр Роджер. – Ребенок ни в чем не виноват. Пусть девочка живет с нами, Доротея. Только смотри, чтобы она нечасто попадалась мне на глаза.

Мисс Сезиджер тихо ахнула от восторга, услышав позволение отца оставить ребенка. Правда, старик говорил недовольным голосом, но он все же позволил Дороти жить в Сторме.

В тот день, когда начинается наш рассказ, со времени приезда Дороти в Сторм прошла целая неделя, и в течение этих немногих дней девочка уже успела сделаться любимицей, настоящим кумиром всех слуг. Мисс Доротея смотрела на нее со страхом и вместе с тем с обожанием. Всякий, кто не дрожал в присутствии старого Роджера, казался Доротее человеком необыкновенным, на которого следовало смотреть по меньшей мере с почтением.

«Какое странное дитя, – думал старик. – Право, не могу понять, что она для меня такое? Она порядочно-таки мне надоедает, а между тем...»

Нежное дыхание спящего ребенка коснулось его, когда он наклонился. В эту минуту старик заметил, что она очень походит на отца. Дороти прошептала в полусне:

– Дедуля, люблю тебя... Милый дедушка...

И вдруг что-то похожее на ледяную корку отвалилось от сердца старого лорда. Он медленно поднялся и, еле слышно переступая, сам отнес Дороти в детскую. Сэр Роджер положил ее в кроватку, тепло укутал одеялом, потом, озираясь кругом, точно вор, пробрался вниз. Он и не знал, что на него смотрит мисс Доротея и что Мэри от изумления застыла с прижатыми к щекам руками, стоя в укромном уголке и шепча еле слышно:

– Боже мой, Боже мой! Просто глазам своим не верю!

Глава III Спасение Бенни

На следующий день для Дороти принесли в детскую кружку молока и хлеб. Девочка совершенно овладела сердцем горничной, и Мэри прислуживала, глядя на ребенка обожающим взглядом. Время от времени в щелочку заглядывала судомойка.

– Не нужно так пристально на меня смотреть, – попросила Дороти. – Вежливые люди не делают этого, но, может быть, вы не знаете, что это не принято?

Скажи такое кто-нибудь другой, эта откровенность могла бы показаться слишком резкой, но на Дороти невозможно было сердиться, особенно когда она поднимала на собеседника свои темные глаза и кротко заглядывала в лицо.

– Мэри, вчера вечером дедуля сказал мне, что в начале дня, и в середине, и в конце нужно быть послушной. А я, Мэри, решила сегодня никого не слушаться – ни утром, ни днем, ни вечером. Сегодня я буду совсем нехорошей девочкой.

– Ах, маленькая мисс, – заволновалась Мэри, – зачем это? Ведь вы рассердите вашего дедушку, ужасно рассердите.

Дороти откинула назад темные локоны.

– Я пойду «шествовать», – сказала она.

– Не понимаю, о чем вы говорите, мисс?

– Ну, мне надоели лужайка, маргаритки и гирианды. Я пойду «шествовать». И ничего особенного в этом нет. Я ведь предупредила дедулю, что всегда его слушаться не буду, и поэтому он не должен рассердиться. Если я открою поблизости какие-нибудь неизвестные края, то вернусь и расскажу вам. Мой дедуля живет слишком спокойно, и я, что называется, его «расшевелю».

– Ай-яй-яй, – укоризненно покачала головой Мэри.

– Я слышала, что так говорят люди, когда хотят, чтобы другие стали проворнее, поторопились бы. Дедушке нужно приободриться, и потому мне придется немножко «расшевелить» его, – важно и рассудительно повторила маленькая Дороти.

– Знаете, маленькая мисс, вы очень странная девочка!

– Да, мне это уж говорили. Мне нравится быть странной, – с гордостью в голосе ответила Дороти.

Девочка немного помолчала и прибавила:

– Мэри, я больше не хочу молока с хлебом. Только грудным младенцам дают молоко и хлеб. Я уже не маленькая и, знаете, хочу, чтобы завтра мне на завтрак дали копченую свиную грудинку с яйцами.

В глубине души бедная Мэри ужаснулась. Откуда она возьмет копченой свиной грудинки и яиц? Хозяйство в Сторме никак нельзя было назвать роскошным – в кладовых не было ни одного кусочка грудинки, о котором не приходилось бы давать отчета сэру Роджеру, и ни одного яйца, о котором не было бы доложено старику. Поэтому она потопталась на месте, не говоря ни слова, и наконец вышла из комнаты.

Дороти было очень приятно, что она осталась совсем одна. Быстро-быстро она выпила молоко и съела хлеб, потом, сложив ручки, произнесла благодарственную молитву собственного сочинения:

– Благодарю тебя, милый Господи, за мой завтрак, хотя он и не был очень вкусен. Благодарю тебя также, Боженька, за то, что ты взял на небо мою мамочку и позволил мне ее поцеловать, когда она лежала такая холодная и окоченелая. Благодарю тебя также за то, что моему папе у тебя очень хорошо и что он здоров. Конечно, Боженька, ты мог бы дать мне поцеловать

также и его, но ты, верно, забыл об этом. Благодарю тебя, Боженька, за дедулю. Мне с ним много хлопот, потому что он совсем не похож на других. Благодарю тебя также за тетю Доротею, и, пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы она ожила, потому что сейчас она будто ненастоящая.

После этого Дороти взяла разорванную, очень старую и изношенную шляпу, нахлобучила ее себе на голову и вышла в сад.

Стоял июнь; воздух был нежен и мягок, в нем чувствовалось благоухание цветов. Солнце светило очень ярко, но Дороти, привыкшая к более сильному зною, даже не заметила этого. Она прошла через лужайку, поросшую маргаритками (ее редко косили, так как сэр Роджер не хотел тратить на пустяки).

– Бедные маленькие маргариточки, – вздохнула девочка, глядя на множество белых цветов. – Сегодня мне вас не нужно, у меня в голове совсем другое, и я не буду делать из вас гирлянды. Я уйду далеко-далеко.

Она дошла до конца лужайки и вскоре была уже в аллее, пересекла ее и направилась к молодой роще. В конце рощи была изгородь. Те немногие люди, которые приходили из окрестных деревень в Сторм, обыкновенно выбирали этот путь. Дороти посмотрела на загородку и быстро перемахнула через нее. Когда она очутилась по другую сторону и вышла из парка, то почувствовала, что сейчас начнутся приключения, и с наслаждением вздохнула полной грудью. Да, это было куда веселее, чем делать гирлянды из маргариток! С того места, где стояла девочка, не были видны ни темный, похожий на ящик, старый дом, ни лужайка, на которой росли белые маргаритки. Она словно очутилась в новой, незнакомой стране. И Дороти опять глубоко вздохнула.

Хотя ей скоро должно было минуть семь лет, она была очень мала ростом и миниатюрна. Человек, ее не знавший, мог бы принять Дороти за пятилетнего ребенка. Однако она была очень изящно сложена, двигалась красиво, уверенно и смело.

То поле, на котором она стояла, пестрело не только ромашками, но и куриной слепотой, и ей понравился яркий желтый цвет этих простых цветов. Она на минуту остановилась, чтобы набрать целую охапку. Дороти украсила ими свою шляпу, сплела длинные гирлянды и обвила себя ими. В таком наряде девочка сама казалась каким-то волшебным цветком. В ее головке было множество мыслей, но в одном она была твердо уверена, а именно, что она нигде не остается одна, потому что с ней всюду Бог. Этому ее научила мать. Она уверила Дороти, что Господь – ее отец, добрый и заботливый, что он никогда не забывает о ней, что он всегда рядом, куда бы она ни пошла.

– Боженька, – сказала Дороти своим звонким голоском. – На этом поле очень хорошо, но я пойду «шествовать» немножко дальше. Ты ведь пойдешь со мной, не правда ли?

После этой короткой странной молитвы на сердце у девочки стало так весело, так легко! Пробежав через поле, она очутилась в лесу. Надо сказать, что леса Сторма славились во всей округе. Они были густыми и темными, под большими деревьями росли кусты и ползучие травы. В жаркие летние дни тут было восхитительно. Среди кустов и вереска было спрятано множество всевозможных силков, устроенных браконьерами для дичи, и различных ловушек, сделанных лесными сторожами для охраны птиц и зверей. Браконьеры ставили свои силки очень хитро и ловко, так что их можно было увидеть только привычным, зорким глазом. Сторожа ставили ловушки и сети для того, чтобы ловить в них забежавших в лес собак или кошек, и устраивали их не так осторожно.

Дороти осмотрелась. В какой чудесный мир она попала! Особенно прелестными казались ей кролики. Глядя, как они разбегаются во все стороны, мелькая пушистыми белыми хвостиками, девочка от восторга громко смеялась и хлопала в ладоши. Когда же поднялись птицы и, шумя крыльями, взлетели над головой девочки, она решила, что этот лес – самое прелестное место в мире.

– О, как я хотела бы прыгать! Как я хотела бы летать, я хотела бы... Я хотела бы... Добрый, милый Боженька, скажи мне: летает ли моя мамочка?

Молчание в ответ никогда не смущало Дороти, и она пошла дальше умиротворенная и довольная. Дойдя приблизительно до половины леса, она вдруг услышала писк, жалобный писк живого, страдающего существа и, осмотревшись по сторонам, увидела капкан, в котором стонал кролик с вывернутой, искалеченной лапкой.

Мирное выражение на лице девочки моментально сменилось гневом.

– Ай-яй-яй! – закричала она.

Она могла бы пораниться, стараясь спасти несчастного зверька, но в это мгновение появился один из лесных сторожей. Он с удивлением смотрел на маленькую девочку в белом платье, украшенную с головы до пят цветами куриной слепоты. У ее ног пищал какой-то зверек.

– Кто вы, мисс? – поинтересовался сторож. – Всякий, кто без билета входит в этот лес, – браконьер.

– Я не понимаю, что вы говорите! Пожалуйста, лучше выньте его из ловушки! Я знаю, что Бог очень рассердился за него! Сейчас же, сейчас же выньте его, пожалуйста, выньте! – взволнованная Дороти почти кричала.

Сторож посмотрел на бедного кролика.

– Мне кажется, я знаю, кто поставил эту ловушку, – сказал он.

– Говорю вам, выньте его сейчас же. Сделайте то, что я прошу! – детский голосок зазвучал повелительно.

– Кто вы, маленькая мисс?

– Я Дороти Сезиджер. Но не все ли равно, как меня зовут? Говорю вам, сию минуту выньте его! Слышите?

Черные глаза блестели, розовые губки дрожали.

– Если вы не послушаетесь, – продолжала она, прижимая руки к груди, в то время как на глазах выступили слезы, – я буду кричать и плакать!

Сторож, высокий немолодой мужчина с загрубелым лицом и большими руками, встал на колени и вынул раненого кролика из капкана.

– Лучше его убить, мисс, зверек сильно ранен.

– Не смейте, – возмутилась Дороти, – не смейте трогать его!

– Вы мисс Сезиджер? Вы родственница сэра Роджера?

– Я ничего вам не скажу. Вы не убьете кролика? Я не дам вам его убить!

– Вы, может быть, хотите взять его себе, мисс?

– Ах, – могла только выговорить Дороти.

Кролик смотрел на нее глазами, полными ужасающего страдания. Лицо Дороти совсем изменилось, стало мягко и ласково.

– Я полюблю вас, незнакомый человек, – проговорила она, – если вы отдадите мне его.

– Я сделаю больше. Не будь здесь вас, я избавил бы бедного зверька от мучений, но теперь я постараюсь срастить ему ногу и, когда он поправится... Ну, я отдам его вам.

– Я ужасно, ужасно люблю вас, – сказала Дороти. – Бог видит это!

– Вот и отлично, маленькая мисс, заключим договор. Вы будете меня любить, а я отдам вам здорового Бенни.

– Кто это – Бенни?

– Так мы называем их, – улыбнулся лесной сторож, ласково проводя рукой по коричнево-белой шерстке кролика.

– Когда вы вылечите его лапку, незнакомый человек?

– Мое имя Персел, мисс.

– Когда вы, Персел, вылечите Бенни, так чтобы он стал совсем здоров?

– Ему придется пострадать еще немножко, но он скоро поправится. Я отнесу малыша домой, забинтую ему лапку, а жена посадит его в корзину и будет кормить травой и зеленью.

– А где живет жена? – спросила Дороти.

– Не очень близко отсюда, в другом конце леса.

– Я пойду с вами, поговорю с женой, – решила Дороти.

– Как? Сейчас?

– Да, я сегодня «шествую».

– Что это значит, маленькая мисс?

– Я не могу понятней объяснить. Там, у нас в Канаде, я почти не училась.

– Ага, мне кажется, я начинаю понимать, кто вы. Я знал вашего отца и не видывал человека красивее. Вы на него немного похожи, впрочем, не совсем. Ну, а как обходится с вами старик?

– Какой старик? – спросила Дороти.

– Не обижайтесь, мисс. Я говорил о сэре Роджере.

– Дедуля? Он душечка. Он живет в моем сердце.

Лесной сторож слегка присвистнул.

– Я не совсем понимаю, почему вы засвистели, Персел, но мне кажется, это было немножко грубо, – заметила Дороти. – Пойдемте же к жене и обсудим, как вы будете лечить моего Бенни.

– Хорошо, маленькая мисс.

Дороти считала, что путешествие удалось на славу. Кролик, сидевший на руках у сторожа, время от времени поглядывал на девочку печальными, выразительными глазами, а Дороти смотрела на него ободряюще:

– Все в порядке, Бенни, выздоровеешь, и я тебя заберу к себе.

Домик стоял совсем в другом краю леса, а лес был густой и обширный. Персел, человек простой и невоспитанный, не умел много говорить и даже не старался вслушиваться в болтовню шагавшего рядом ребенка. Дороти, по своему обыкновению, говорила доверчиво и просто; она ничуть не боялась, потому что вообще не знала страха. Повстречайся ей что-нибудь страшное, она смотрела бы так же прямо и смело. В ней чувствовалась очаровательная независимость. Она была свежа и красива, и в ней не было ничего неискреннего.

Когда они пришли к дому лесного сторожа, Дороти Сезиджер почувствовала, что очень устала. Она первой вошла в дом, высоко подняв головку и откинув шляпу на спину.

– Как вы поживаете, жена? – степенно спросила она. – Я пришла, чтобы отдохнуть. Пожалуйста, дайте мне поесть, и вот еще что: сейчас придет Персел и будет выправлять ножку моему маленькому Бенни.

Миссис Переел была худой старухой. Посмотрев на нее, Дороти несколько мгновений раздумывала: неужели все женщины в окрестностях Сторма едят впроголодь или даже голодают? Старуха была старше мужа на несколько лет и так же боялась его, как тетя Доротея своего отца. Она, не веря собственным глазам, смотрела на маленькую девочку, которая так внезапно вбежала к ней.

– А вы кто такая? – спросила она.

– Я Дороти Сезиджер. Скажите, пожалуйста, можно мне сесть на этот стул?

Но так как женщина не сразу ответила, Дороти взяла стул, не дожидаясь позволения. Она отвязала шляпу, которая упала на пол, и осмотрелась вокруг.

– Что у вас на обед, жена?

– Тушеное мясо с луком, – оторопело ответила миссис Персел.

– Пожалуйста, дайте мне поскорее поесть. Я очень голодна, – попросила Дороти.

В эту минуту вошел Персел:

– Старуха, эта кроха из Канады; она живет теперь в Сторме. Я ее встретил в лесу. Она отыскала западню с кроликом, у зверушки сломана нога. Я его вылечу, и, когда Бенни совершенно поправится, мы его отдадим маленькой мисс.

– Я буду очень рада, и Бог будет доволен вами, мистер Персел, – заметила Дороти и прибавила: – Знаете, жена, во мне пусто-пусто! Пожалуйста, поскорее дайте мне еды.

Миссис Персел принесла одну из немногих фарфоровых тарелок, белую, тонкую, с нарисованными на доньшке вишнями. Она покрыла небольшой столик грубой, но чистой и свежей скатертью, затем вынула из печки вкусное, сочное мясо и подала ребенку.

– Чутьочку жалко закрывать такие красивые вишни, – посетовала Дороти. – Я никогда не видела такой изящной и милой тарелочки!

Несколько придя в себя, старая миссис Персел слегка улыбнулась. Дороти была так голодна, что съела решительно все. В это время Персел пошел в сарайчик, чтобы сделать раненому кролику необходимую операцию. Вскоре он принес его назад. Маленькая лапка зверька была положена между двумя щепочками и крепко забинтована. Сторож посадил Бенни в корзину, чтобы Дороти могла посмотреть на него.

– Ах, как я вас люблю, как я вас люблю, – промолвила девочка, – и я буду просить Бога, чтобы Он тоже полюбил вас.

Персел сел за стол в прекрасном расположении духа. Во время обеда он то и дело посматривал на веселое, оживленное личико Дороти.

– Я полагаю, мисс, – сказал он, пообедав, – что могу доставить себе удовольствие отвести вас домой.

– Вы говорите очень хорошо, очень вежливо, мистер Персел, – отметила Дороти. – Но я собираюсь «шествовать» еще дальше. Вы меня сытно накормили и я очень благодарна вам, жена, и вам, мистер Персел. Завтра я приду опять справиться о здоровье моего милого Бенни. Ах, как я буду счастлива, когда мой голубчик переедет ко мне. Он будет спать в моей комнате. Я никогда-никогда, пока жива, не забуду вас, мистер Персел. А вы, жена, готовите вкуснейшее тушеное мясо, и я непременно расскажу тете Доротее о вашей красивой тарелочке с вишнями посередине. Она просто восхитительна!

С этими словами Дороти соскользнула со стула. Дойдя до дверей домика, она остановилась, вспомнила, что кое о чем забыла, сложила ручки на груди и серьезно сказала:

– Благодарю тебя, Боже, за этот вкусный обед, который был гораздо, гораздо лучше завтрака.

Глава IV

Письмо для мисс Сезиджер

В это утро с мисс Доротеей Сезиджер случилось необыкновенное происшествие: она получила письмо. В жизни бедной дочери старого сэра Роджера всякое письмо было великим событием. Благодаря замкнутой жизни отца, у нее было очень мало друзей. Сама она никому не писала, а потому и ей никто не писал. К Доротее не приходили даже счета из магазинов, потому что за все немедленно уплачивалось на месте. Мисс Сезиджер было не о чем писать. Когда однажды ей решили пошить новое платье, она для этого отправилась в ближайший город, который стоял в десятке миль от Сторма, выбрала материю и тотчас же заплатила за нее, а вернувшись домой, приказала Мэри приняться за шитье.

Словом, теперь понятно, почему письмо с конвертом, на котором было выведено: «Мисс Доротее Сезиджер, в Сторм, близ Синглтона в графстве Варвик», заставило сердце адресата забиться сильными, быстрыми ударами.

Почерк был ей совершенно незнаком, тем не менее она сразу же решила спрятать письмо от отца. Ни за что на свете Доротее не распечатала бы при нем конверт. Внутри могла быть просьба о деньгах, но почему-то это не пришло ей в голову. Доротее осторожно опустила конверт в карман раньше, чем ее отец вошел в комнату.

В Сторме завтракали ровно в девять часов утра. Мисс Доротее спустилась из своей комнаты вниз вовремя, чтобы успеть заварить чай. Сэр Роджер обращал большое внимание на этот напиток. В числе очень немногих расходов старик тратился на хороший чай, который присылал один лондонский купец. Поставщик самостоятельно делал смесь и отправлял в Сторм двадцатифунтовый⁴ цыбик⁵. Сэр Роджер приказывал, чтобы эта порция растягивалась на чрезвычайно долгое время. Чай держали в старом буфете, стоявшем в столовой. Ключ от него хранился в кармане мисс Доротеи. Старик позволял подавать к чаю очень небольшое количество сливок. Благодаря всему этому мисс Доротее было необходимо приходиться в столовую, самое позднее, без пяти минут девять. В ту минуту, как на лестнице слышались ее шаги, в столовую принесли старинный медный чайник со спиртовой горелкой и ставили на стол. Чай приготавливался торжественно. На стол клали поджаренные сухарики и крошечный кусочек масла. Мисс Доротее усаживалась на стул и ждала отца.

В то утро, когда маленькая Доротея, по ее выражению, «шестьвокала», мисс Доротее чувствовала, как сильно пылает ее лицо и дрожат руки. Ей казалось, что письмо, лежащее в кармане, горит и скоро прожжет отверстие в платье. Мисс Сезиджер не терпелось поскорее остаться одной и прочитать его. Она невольно все время думала о письме, стараясь угадать, что в нем говорится и кто написал его.

Наконец своей обыкновенной спокойной и размеренной походкой в комнату вошел сэр Роджер; белоснежные волосы падали ему на плечи, зоркие черные глаза смотрели вправо, влево – всюду.

– Здравствуй, Доротее, – произнес он.

Он кивнул дочери и сел за стол напротив нее. Мисс Доротее молча, не делая никаких замечаний, налила ему чашку ароматного чая. Она отлично знала все его вкусы: сколько нужно положить сахару, сколько налить сливок. Мисс Сезиджер обошла кругом стола и поставила перед отцом чашку, потом пододвинула к нему поджаренный гренок и масло. Наконец, взяв

⁴ Фунт – английская мера веса, равная 453,6 г.

⁵ Цыбик – ящик (часто обитый кожей) для перевозки чая и других сыпучих продуктов.

свою тарелку, она положила на нее маленький гренок и крошечный кусок масла и села на прежнее место.

– Я заметил, – помолчав, сказал сэр Роджер (в этой тишине Доротея точно грезил, думая о письме), – что в нашем доме масла выходит больше, чем нужно. Это страшно неблагоразумно. Нужно прекратить эти излишества, Доротея.

– Я не уверена, что можно сделать это, отец, и так уж люди жалуются на нас.

– Ну, так отпусти их всех, – сказал сэр Роджер. – Возьмем других.

– Вряд ли это возможно. Никто, кроме них, не захочет пойти к нам служить на жалование, которое мы платим. Кроме того, тебе будет недоставать Карбури.

– Это правда, но лучше сохранить деньги, чем продолжать так тратиться на содержание Карбури. Выходит слишком много денег. Если он не захочет подчиняться скромному образу жизни в нашем доме, пусть ищет себе другое место.

– Значит, ты сообщишь ему об этом, отец?

Сэр Роджер посмотрел на дочь из-под сдвинутых мохнатых бровей.

– Я? Нет. Предоставляю это тебе.

– Я бы не хотела увольнять его, – промолвила мисс Сезиджер.

Доротея сама удивилась, как нашлась у нее смелость выговорить эти слова. Сэр Роджер пристально посмотрел на нее.

– С тобой что-нибудь случилось? – неожиданно спросил он.

– Нет, нет... То есть... Кажется, со мной все хорошо...

– А мне кажется, что ты не совсем здорова. Почему ты так покраснела? Я уже много лет не видел у тебя на лице такого румянца. Сколько тебе лет, Доротея?

– В прошлом году минуло сорок три, но возраст тут ни при чем.

– Ну да, конечно нет, понятно... Понятно.

Мисс Сезиджер хотела найти подходящие слова, но мысли в голове разбегались. Подбородок еще ниже опустился на грудь, она отломил кусочек от сухого бисквита и положила в рот. После долгого молчания она наконец произнесла:

– Я нахожу, что будет несправедливо отказать старому Карбури от места. Если все дело в кусочке масла, то я прекрасно могу обходиться и без него.

– Делай, как тебе угодно, – буркнул старик. – Теперь я хочу поговорить с тобой о ребенке.

– А! Хорошо, – Доротея приободрилась, и ее лицо немножко просветлело.

– Она очень непослушный ребенок, – заметил сэр Роджер.

– Она очень умная и веселая девочка, – поправила мисс Сезиджер.

– Я говорю, что она очень непослушна, – раздельно повторил старик. – Ее нужно научить повиноваться. Ты должна учить ее этому.

– Я? – воскликнула Доротея. – Мне кажется, что я не могу этого сделать.

– Ну, на что ты годишься, Доротея, если не можешь справиться даже с маленькой девочкой, которой нет еще и семи лет?

Мисс Сезиджер молчала, но невольно сжимала рукой письмо, спрятанное в кармане.

– Что это шелестит? – подозрительно спросил сэр Роджер.

– Ничего, ничего.

Старик пристально взглянул на нее:

– Если ты не сумеешь справиться с этой девочкой, я отправлю ее в приют. Я не желаю, чтобы в моем доме опять повторялись сцены, которые бывали с ее отцом. Я не позволю, чтобы кто-нибудь, будь то мужчина, женщина или ребенок, сел мне на шею и свесил ножки. Ты меня слышишь? Понимаешь? Если ты не можешь справиться с этим ребенком, я отдам ее в приют.

– Хорошо, отец.

– Почему ты сказала «хорошо»? Разве ты желаешь отделаться от единственной дочери Роджера?

– О, нет, совсем нет. Для меня такая радость, такое счастье, что она живет у нас в доме.

– Ну, так держи ее в руках! Учи ее послушанию, заставляй трудиться, задавай уроки! Корми ее самой простой пищей, не приучай к роскоши и, смотри, не вздумай делать лишних расходов из-за того, что она живет у нас. Ну, теперь я все сказал. Довольно. Пойду обойду усадьбу.

– Погоди, одну минуту, отец. Разве она... маленькая Дороти... тебе надоедает?

– Надоедает ли? Вчера она разбудила меня, когда я крепко спал. Она пришла поздно вечером и заснула у меня на руках...

– И ты отнес ее в постель.

– Откуда ты знаешь? – спросил старик и густо покраснел.

– Я... Я догадалась. Ты бы не отпустил ее наверх одну.

– Ты подслушивала, ты подсматривала! – возмутился сэр Роджер. – Так я и знал! Ну, посмотри на меня, Доротея; ты хорошая, добрая; ты считаешь себя старой, но ведь ты еще совсем не стара и, если захочешь, можешь отлично смотреть за девочкой. Если будет нужно, наказывай ее пострее, если хочешь, бей ее хлыстом.

– А ты, отец?

– Я не буду вмешиваться.

– А если я не сумею воспитывать Дороти, ты отправишь ее в приют?

– Да, конечно. Там никто не удивится, что я отослал от себя дочь Роджера. Он женился на простой девушке, и ребенок вышел весь в мать.

– Нет, нет, – перебила мисс Сезиджер, – она так похожа на Роджера!

– Поступай как знаешь, Доротея, – произнес старик, – но теперь я все сказал. Ты пару раз давала мне понять, что тебе живется скучновато и однообразно. Ну, теперь скучно не будет, потому что девочка очень своенравна. Твоя обязанность – заняться ее исправлением. Она необъезженный конек, но станет покладистой, если ты сумеешь ее обуздать. Мне не хотелось бы прогонять дочь покойного Роджера, но, будь он жив, я ни за что бы и не взглянул на нее. Теперь я думаю, тебе все понятно?

– Да, отец.

– И ты будешь ее воспитывать подобающим образом?

– Я совсем не умею обращаться с детьми. Мне никогда не приходилось иметь с ними дела. Из детей я знала только... только самого Роджера. Мы с ним вместе росли, хотя я на несколько лет старше. Но я постараюсь сделать все, что в моих силах.

– Прекрасно, только не будь с ней мягкотелой. Теперь я обойду усадьбу. У нас слишком много напрасных расходов. Это весьма расточительно! Право, можно подумать, что я богатый человек!

Сэр Роджер взял палку с большим круглым набалдашником и, слегка опираясь на нее, вышел во двор, залитый солнечным светом. Мисс Доротея наскоро заперла буфет, в котором хранился чай, прошла в свою комнату, повернула ключ в замке и вынула письмо из кармана. Она распечатала его и, прочитав несколько слов, остановилась в изумлении. Ее охватило смешанное чувство восторга и страха, муки и радости. Вот что было в письме:

«Моя дорогая Доротея!

Теперь ты приняла к себе мое маленькое, драгоценное сокровище, мою прелесть, как я всегда называю ее. И ты уверена, что твой брат лежит в могиле где-то далеко в Канаде? Между тем ничуть не бывало. Я жив. Я не вполне здоров – действительно, мое сердце разбилось в тот день, когда умерла моя дорогая жена. Я не мог вынести мысли, что мне придется увидеть ее холодное, мертвое лицо. Я бежал еще до ее смерти и распустил слух, что тоже умер.

Я оставил все необходимые указания доброй Бидди Мак-Кен, попросив ее отвезти мою Дороти в Англию и доставить в Сторм. Моя прелесть тоже думает, что я умер. Но я хочу,

чтобы ты знала: я жив. Я страстно желаю, чтобы о моей девочке заботились, чтобы ты, Доротея, смотрела за ней. Видишь ли, я отлично сознаю, что она слишком хороша для меня. На свете никогда не было ребенка добрее, смелее и правдивее! Ради нее я, так сказать, отказываюсь от жизни. Смотри, ни под каким видом, никогда не проговорись отцу, что я жив, потому что он тотчас же отошлет малышку обратно ко мне. Бог видит, как я хочу быть с ней, как я жажду, чтобы ее ручки опять обвили мою шею, а губы прижались к моим щекам. Но нет, если я начну писать о том, чего мне хочется, я потеряю последние силы.

Я вел беспорядочную, недостойную жизнь, Доротея, и разбил сердце своей бедной жены. Но Дороти не видела во мне ничего дурного, не замечала моих недостатков, и теперь она воображает, что я сделался ангелом небесным. При этой мысли я готов смеяться. Я – на небе! Как бы то ни было, теперь моя девочка с тобой, потому что добрая Бидди Мак-Кен исполнила обещание. Я отправил Бидди обратно в Канаду, поэтому нечего бояться, что она откроет мою тайну. Кроме того, она преданная, верная служанка и кормила Дороти, когда та была грудным ребенком.

Я знаю, что старик все копит и копит деньги, и когда он умрет, все его состояние перейдет сначала к тебе, а потом к маленькой Дороти. Обо мне нечего думать, да мне и не нужно ничего. Я блудный сын, это правда, но я не вернусь к отцу с раскаянием. Я не собираюсь посыпать голову пеплом и не нуждаюсь в откормленном бычке, праздничном шуме и суете по случаю моего возвращения. Ты здравомыслящий человек, Доротея, и ты любила меня в те времена, когда наш суровый, жестокий отец обращался с нами так, как другие отцы никогда бы обращались со своими детьми. Но моя девочка верит в доброту отцов и матерей, и ее веру трудно поколебать. Во всяком случае, сделай для нее все, что можешь, и время от времени посылай мне о ней вести.

Я пишу тебе из Лондона, но не ставлю на конверте адреса. Тем не менее я принял меры, благодаря которым не вполне лишаюсь возможности видеть мою прелесть. Неподалеку от Сторма я нанял комнату на одной ферме, у хозяина по фамилии Бардвел. Фамилия моей дорогой жены была тоже Бардвел, но это простое совпадение. Бардвел – фермер; он арендует у отца ферму Хоум. Я нанял у него спальню и кабинет, время от времени буду приезжать к нему подышать свежим деревенским воздухом.

Моя дорогая сестра, когда я приеду, то вывешу из своего окна в доме Бардвела маленький красный флаг. Прошу тебя, постарайся под каким-нибудь предлогом привести маленькую Дороти в такое место, где ее было бы видно из этого окна. Когда мне понадобится снова поговорить с тобой, или сообщить тебе какие-нибудь другие подробности, или попросить тебя о чем-нибудь еще, я положу письмо под большой плоский камень в сосновом лесу возле фермы Хоум. Ты, конечно, сразу найдешь его, потому что я высек на нем букву „P“. Если ты вздумаешь написать мне, положи письмо под этот камень. Я его найду.

Смотри, будь как можно осторожнее! Я не хочу, чтобы Дороти когда-нибудь узнала, что я жил в такой нужде. Я также желаю, чтобы она получила отличное воспитание. Она милый, прелестный ребенок и, к счастью, унаследовала характер матери, а не мой. Если мои планы не осуществятся, мою прелесть заберет к себе дедушка по материнской линии. Он добр, очень честен, вообще вполне порядочный человек, но мне бы хотелось, чтобы она жила у вас в Сторме.

Твой брат Роджер».

Нет возможности описать волнение и изумление мисс Сезиджер. Она дрожала с головы до ног, потом на мгновение закрыла лицо тонкими, бледными руками и, опустив их, снова принялась за чтение. Перечитав письмо в третий раз, Доротея очень медленно поднялась, отерла пот, выступивший на лбу, и беззвучно прошептала: «Помоги мне, Боже!»

Пройдя через комнату, она открыла старинный шкафчик, в котором хранились драгоценные для нее вещицы, напоминавшие о прошлом. Там было несколько писем, перевязанных выцветшей голубой лентой, воскрешавших образ человека, давно умершего и забытого всеми,

кроме этой одинокой души; воспоминания об умершей матери и несколько вещей, оставшихся от ее единственного любимого брата Роджера. Он вел непозволительную жизнь, поступал как блудный сын из библейской притчи и уехал из дому много-много лет тому назад. У Доротеи была фотографическая карточка брата, которую она не смела поставить где-нибудь на виду, а прятала в этом шкафчике. Теперь она вынула ее и долго-долго не спускала с нее глаз. Он был очень красив, строен, с красивой осанкой, со смелым лицом, таким привлекательным, что за одно это можно было его любить и отдать ему все на свете.

Мисс Сезиджер прижала карточку к губам. Горячая волна любви к Роджеру переполнила сердце, согрела все ее существо.

– Я сделаю все, что могу, – прошептала она тихо. – Это очень трудно; заботы измучают меня, я это знаю, но я сделаю все возможное для бедного Роджера!

Она заперла письмо в шкафчик, открыла дверь, села и долгое время не двигалась. Через некоторое время пришла Мэри.

– Вы не заказали обед, мисс Доротея, и... что случилось, мисс?

– Мне сегодня что-то нездоровится, Мэри.

– Приходил почтальон, – проговорила Мэри, – и принес письмо.

– Да, – мисс Сезиджер испуганно взглянула на горничную. – Да, только, пожалуйста, не говорите об этом.

– Не буду, мисс. Я не хотела бы причинить вам неприятности и очень рада, что вам пришло письмо. Надеюсь, в нем были приятные новости?

– Очень, очень приятные, – ответила Доротея. – От души благодарю вас, Мэри.

– Но у вас нездоровый вид, мисс. Вы кушали?

– Немного.

Мэри пристально посмотрела на Доротею и быстро вышла из комнаты. Минут через пять она вернулась с чашкой горячего какао и небольшой тарелкой с бисквитами.

– Прошу вас, мисс, – сказала она. – Вы голодны. Выпейте какао и покушайте.

– Не знаю... Мне кажется, мне ничего не надо, – возразила бедная Доротея. – Ах, вы принесли три бисквита. Он увидит, что их не хватает.

– Все равно, – сказала Мэри, – вы должны кушать, не то вы заболете.

Мисс Сезиджер принялась за какао и бисквиты; Мэри стояла и смотрела на нее.

– Не стойте, Мэри, сядьте, – попросила Доротея.

– Нет, мисс, позвольте мне постоять. Я считаю, что мне неприлично сидеть в вашем присутствии, – ответила верная служанка и, помолчав немного, прибавила: – маленькая мисс Дороти настоящая прелесть, но, я думаю, с ней будет много хлопот.

Мисс Доротея глубоко вздохнула:

– Я знаю, что мне следовало бы пойти приготовить обед, но сегодня я чувствую себя очень слабой... и я так взволнована! В жизни постоянно случается что-нибудь неожиданное, Мэри, постоянно. Может быть, вскоре все переменится, очень, очень переменится.

– Да, из-за маленькой мисс Дороти, – проговорила Мэри. – Но я уверена, что перемены будут к лучшему; всем нам надоела однообразная, скучная жизнь.

– О нет, – сказала мисс Сезиджер. – Однообразная жизнь – это неплохо. На душе спокойно, пока жизнь однообразна и размеренна! Волнение и неожиданности убивают.

«Боже мой, что она говорит!» – ужаснулась Мэри про себя и прибавила вслух:

– Что приготовить на обед, мисс? Все, что у нас готовится, это простые кушанья, и поэтому я могу приготовить их без вашей помощи.

– Нет, – заметила Доротея, – ведь сладкое я делаю всегда сама. Я пойду вниз и позабочусь обо всем. Что у нас на ленч?

– Только хлеб и сыр, мисс. И сыр немножко засох.

– Ничего, этого довольно.

– И еще. Вчера Карбури говорил, что если ему не будут давать мяса в середине дня, он, по всей вероятности, уберется раньше времени.

– Уберется? Что это значит? – спросила Доротея.

– Умрет, мисс.

Доротея забеспокоилась:

– У меня отложено немного денег, и я прикажу покупать мясо для Карбури.

– Будет очень жаль, если он умрет, мисс. Он такой хороший и верный слуга и так преданно служит нашему господину.

– Да, мой дорогой отец не мог бы жить без Карбури.

– Вот об этом-то я и говорю. Но он уверяет, что ему необходимо каждый день есть мясо, иначе он не выдержит.

– Ну, хорошо, позаботьтесь об этом, – сказала мисс Сезиджер. – Возьмите шиллинг. Купите все, что нужно.

– Благодарю вас, мисс.

Затем они быстро обсудили простое, или, вернее, жалкое меню. Наконец Мэри сказала:

– Маленькая мисс отказывается от молока с хлебом – она требует, чтобы ей давали на завтрак яиц и поджаренной копченой свиной грудинки.

– Где маленькая Дороти? Пошлите ее ко мне, – вдруг попросила мисс Сезиджер.

– Я пойду за ней, мисс. Я довольно давно не видела ее.

Мэри ушла из комнаты, мисс Сезиджер распахнула окно. Письмо, полученное от брата, который считался мертвым, обрушилось на бедную старую деву непосильным грузом. Сэр Сезиджер не позволил дочери носить траур после смерти брата, и теперь она радовалась этому. Мисс Доротея решила во что бы то ни стало повидаться с Роджером. Для этого ей нужно было оставить ему записку в условленном месте. Она немного беспокоилась: вдруг отец застанет их, хотя это было маловероятно. Хозяин Сторма старился и слабел, силы постепенно покидали его. Доротея решила пойти на ферму, хотя это было довольно далеко.

В комнату вошла Мэри и объявила, что мисс Дороти никто не видел.

– Она говорила, мисс, что сегодня отправится путешествовать и открывать новые края. Я надеюсь, что с ней ничего не случилось.

– Я вполне, вполне уверена в этом, – ответила Доротея (в житейских делах она не была пуглива). – Вероятнее всего, что она в огороде и болтает с садовниками. Вряд ли это особенно понравится моему отцу. Он хочет, Мэри, чтобы я ее воспитала; чтобы... чтобы я приучила ее слушаться.

– Это будет совсем непросто, мисс.

– А между тем, Мэри, мне кажется, она очень хорошая девочка.

– Вот уж не знаю, хорошая ли она, – сказала Мэри, – только ее нельзя не любить: она прелестна, смотреть на нее одно удовольствие, и, хотя она часто говорит дерзости, которых в мое время не позволил бы себе ни один ребенок, она покоряет сердца одним взглядом. Я называю ее прелестным ребенком, мисс, и мне кажется, она совсем не похожа на других детей.

– Да, она очень мила и не похожа на других детей, – согласилась мисс Доротея. – Только, право, не знаю, сумею ли я управлять ею.

– Что-то мне подсказывает, мисс, что это она будет управлять вами.

Мисс Сезиджер обиделась. В эту минуту женщина вспомнила, что она хозяйка большого имения Сторм, и гордо вскинула голову:

– Вы забываетесь, Мэри.

– Простите, мисс, – потупилась служанка.

Мисс Доротея помолчала, потом продолжила по-прежнему приветливым голосом:

– Кстати, Мэри, вы знаете все фермы вокруг Сторма? Например, знаете ли вы фермера по фамилии Бардвел?

– Знаю ли я Бардвела? – спросила Мэри. – Знаю только по имени. Он только что арендовал ферму Хоум. Сэр Роджер долго не мог сдать ее, потому что никто не соглашался платить такую большую аренду, как он желал. Наконец, явился Бардвел. Его никто толком не знает, но у него, кажется, очень много денег. Он приехал на ферму только на прошлой неделе и живет в двух или трех милях отсюда, как раз за северным лесом.

– Я плохо помню это место, а между тем, кажется, в молодости видела ферму Хоум, – сказала мисс Доротея.

– Она совсем не понравилась бы вам, мисс, и фермер тоже. Вам не о чем было бы говорить с таким человеком, как Бардвел. Сэр Роджер тоже никогда не встречался с ним, потому что собирает арендную плату и заведует всеми фермами управляющий, мистер Хэзелтон. Да, правда, ферма Хоум милях в двух с половиной отсюда. Вы помните сосновый лес, мисс? Вы и ваш брат мистер Роджер взяли меня туда один раз, когда я только что поступила к вам. Ах, бедный молодой господин! Он как будто стоит перед моими глазами. Разве вы не помните, мисс, как сидели вместе с ним на плоском камне, на самой опушке соснового леса? И мистер Роджер так весело болтал, смеялся. Сложил костер и повесил над ним котелок. Меня еще тогда послали за свежей водой, и я побежала.

– Конечно, помню, – вздохнула Доротея. – Да, я сидела на плоском камне. Сохранился ли он?

– Конечно, он до сих пор там, но не все ли равно? Ведь в ферме Бардвела нет ничего интересного. Я очень рада, мисс, что вы съели бисквиты и выпили какао. Вы немного освежились.

– Теперь ступайте и постарайтесь найти маленькую Дороти, – сказала Доротея.

Глава V

Старая-молодая

В это утро у старого сэра Роджера нашлось много занятий. Он сделал суровый выговор обоим садовникам – Петерсу и Джонсону. Множество сорных трав оказалось там, где им быть не следовало. Грядки садовой земляники и клубники тоже были в беспорядке – садовники забыли закрыть их сетками, и птицы безжалостно истребили самые крупные ягоды. Обычно сэр Роджер продавал всю землянику. Невдалеке от Сторма был большой торговый город, где охотно покупали ягоды и плоды, поспевавшие в этой усадьбе, платили за них большие деньги. Сам Сезиджер никогда не дотрагивался до этих вкусных вещей, уверяя, что находит их вредными для здоровья. Но в этот день, в силу какой-то странной причины, он сорвал небольшой капустный лист и положил на него около дюжины лучших крупных и сочных ягод. Он рвал их, когда на него никто не смотрел или, по крайней мере, когда ему казалось, что никто за ним не наблюдает. Наклонившись над грядкой, он почувствовал, что ему вдруг стало очень душно. Он нелепо выглядел в огороде, сам отдавал себе в этом отчет, но все-таки продолжал торопливо собирать ягоды.

– Ягоды и плоды полезны детям, – сквозь зубы бормотал старик. – Но я ни в коем случае ничего не скажу Доротее.

Сезиджер отнес ягоды в старую покосившуюся беседку, снова вышел из нее и продолжил обход усадьбы, браня слуг и проводя таким образом утренние часы. Как уже было сказано, сэр Роджер всегда завтракал ровно в девять часов. Скучная закуска подавалась минута в минуту в назначенное время. Ленч накрывался ровно в половине второго.

Сэр Роджер считал, что такая аккуратность необходима для сохранения здоровья. В двадцать пять минут второго он пошел домой, оставив землянику в беседке. Сезиджер вымыл руки, причесал волосы и вошел в столовую. Старик увидел мисс Доротею, но маленькой Дороти с ней не было.

– Где девочка? – спросил он. – Я не разрешаю ей с нами ужинать, но почему бы ей теперь не быть здесь? Где она, Доротея?

– Не знаю, – ответила мисс Сезиджер.

– Ты не знаешь? Неужели ты все утро не видела ее?

– Нет.

– Ты ее искала?

– Да, отец, искала и посылала искать Мэри. Но Дороти нет в саду. Во время завтрака она сказала Мэри, что отправится путешествовать. У нее очень пылливый ум.

– Я ненавижу таких детей! – рассердился старый сэр Роджер. – Она не должна себя так вести! Доротея, чем больше я смотрю на тебя, тем сильнее убеждаюсь, что ты не сумеешь воспитать эту маленькую своенравную девочку, у которой чересчур пылливый ум! Мне придется поместить ее в приют или в какое-нибудь закрытое заведение. Я просмотрю объявления и выберу недорогой пансион с такой платой, которую я мог бы вносить. Больше ничего не останется. Дороти – дурной, непослушный, своенравный ребенок. Но я удивляюсь тебе, Доротея. Ты не можешь справиться с таким ничтожным, крошечным созданием!

– Я очень беспокоюсь о ней. Представить не могу, куда она убежала, – попыталась оправдаться Доротея.

– Ну, довольно, довольно, – перебил ее отец. – Ты беспокоишься? Да мне до этого дела нет. Садись и ешь ленч. Мне неприятно, что ты стоишь, сам я стоять не могу, устал. Я все утро бродил по усадьбе.

Старик съел хлеба с сыром и выпил стакан очень жидкого пива. Доротея есть не могла. Завтракая, сэр Роджер обсуждал недостатки своих слуг, жаловался, что садовники плохо ухаживают за фруктовым садом, который теперь дает только половину прежнего дохода.

– В это время года, – ворчал он, – мы должны были бы жить на доходы от продажи плодов и ягод. Деньги, собранные за них, могли бы покрывать все наши издержки и еще давать нам возможность откладывать кое-что. Мне тяжело видеть, как все у нас растрачивается без пользы.

– Дедуля, я вернулась! – прозвучал веселый голос, и через открытое окно в комнату вско-чила маленькая Дороти.

На белом платье виднелись пятна, черные волосы растрепались, и на щеке красовалась глубокая царапина.

– Здравствуй, милая тетя, – поздоровалась она, удостаивая взглядом свою немолодую родственницу, и с разбега прыгнула, по обыкновению, на колени к деду.

– Ого, – только и вымолвил он, – вы довольно-таки бесцеремонны, маленькая мисс.

– Ну, конечно, ведь я же тебя не боюсь, дедуля, нисколько не боюсь. Пожалуйста, не воображай, что ты можешь меня испугать.

– Да уж я вижу, маленькая мисс.

– Не называй меня «маленькая мисс», мне это не нравится.

– Ну, хорошо, Дороти.

– Вот это другое дело, – удовлетворенно кивнула девочка. – Обними меня так, чтобы мне было хорошо и удобно. Я чуточку устала.

– Лучше сядь-ка на свой собственный стул, маленькая мисс.

– Опять «маленькая мисс»? – Дороти погрозила маленьким пальчиком.

Темные глаза деда смотрели в очень темные глаза ребенка. Старое лицо нахмурилось. Пальчик Дороти двинулся вверх и разгладил морщину на лбу сэра Роджера.

– Вот так-то лучше. Теперь ты хорошенький. Поцелуй меня. Хочешь?

– Совсем не хочу.

– Отлично. Я никогда не целую людей, которым не нужно моих поцелуев. Тетя Доротея, ты хочешь поцелуй?

– Я хочу, чтобы ты села спокойно, – сказала мисс Доротея, – и не беспокоила дедушку.

– Она не мешает мне, Доротея, – отозвался сэр Роджер. – Пожалуйста, будь так добра, встань и позвони.

Мисс Сезиджер исполнила просьбу отца. На звонок пришел Карбури.

– Сейчас же подайте прибор для мисс Дороти, – приказал старик.

– Прибор – это значит тарелка, нож, вилка и стакан для воды? – спросила Дороти. – Да? Потому что если «да», то мне этого не нужно, Карбури, так как я сыта.

– Что ты хочешь сказать? – оторопел старик.

– Меня накормили у мистера Персела. Он очень милый человек. Жена дала мне отличный завтрак, там было всякое мясо и... и луковицы. Я очень люблю лук. А ты, дедуля?

– Нет, это простонародное кушанье.

Карбури постоял немного и решил, что лучше тихонько выйти.

– Дороти, – обратился к девочке сэр Роджер, – как ты посмела напрашиваться на обед у одного из моих арендаторов?

– Меня пригласили, – невозмутимо ответила Дороти. – Видишь ли, славный-преславный кролик Бенни сломал лапку. Тут пришел мистер Персел и вынул его из ужасной западни. Теперь он лечит кролику лапку, а потом отдаст маленького Бенни мне. Это будет мой кролик, мой собственный. Я позволю ему спать на моей постельке и буду целовать его. Он-то уж будет рад, что я его целую, как были рады папа и мама. И жена дала мне отличный обед и угостила меня такими вкусными луковицами...

В эту минуту тетя Доротея быстро встала и тоже вышла из столовой.

– Хорошо, что она ушла, – облегченно вздохнула маленькая Дороти.

– Почему ты это говоришь? – спросил сэр Роджер, который сам был доволен, что дочь ушла, и сильнее прижал внучку к себе.

Она подняла головку, черные глаза девочки смеялись:

– Потому что при тете ты боишься говорить то, что по-настоящему думаешь.

– Я ничего не боюсь.

– Ну, значит, ты такой же, как я: меня нельзя испугать. Мне не нравится страх, и я не знаю, что это такое. Только все-таки, дедуля, ты говоришь не совсем правду. Не совсем, потому что ты боишься тети Доротеи.

– Не говори глупостей, маленькая Дороти. Уж конечно, я несколько не боюсь ее. С какой стати я должен бояться собственной дочери? Неужели это похоже на меня?

– А все-таки боишься, – поддразнивала Дороти.

– Не боюсь! И перестань спорить со мной, это невежливо. Маленькая девочка должна многому научиться, и я попросил твою тетю учить тебя. Прежде всего, она выучит тебя слушаться.

– О! – в ответ Дороти весело засмеялась, а глаза у нее так и заблестели.

– И она будет тебе давать различные уроки.

– Ну и хорошо, – согласилась Дороти. – Учите, чему хотите. Я проглочу все, все посажу к себе в голову и буду беседовать с тобой об уроках. Мамочка учила меня разным чудесным вещам, а также мой дорогой папа. Учиться я хочу, но слушаться... Нигде в библии не сказано, что нужно слушаться теток: там говорится, что нужно слушаться мать и отца, о тетках же ничего не написано. Лучше учи меня сам, дедуля. Тебя я, пожалуй, буду слушаться, самую чуточку.

– Ну, пойдем гулять, – старик старался спрятать от внучки улыбку.

Он взял маленькую ручку и провел Дороти до беседки, в которой на свежем капустном листе лежала земляника. Едва они вошли в полуразрушенный, покосившийся домик, Дороти стала усиленно принюхиваться.

– Что за чудесный запах? Не понимаю, чем это пахнет?

Старик волновался, щеки его покраснели, глаза заблестели.

– Ах, знаю, знаю! – закричала девочка, заметив лист, а в нем крупные сочные ягоды. – Дедуля, ты положил их здесь для меня?

– Гм, да. Положил-то для тебя, только вот такая непослушная девочка их не получит...

– Я буду сидеть у тебя на коленях и лакомиться, – перебила Дороти. – Знаешь, дедушка, я чуточку устала, потому что ходила очень далеко. И мне ужасно хочется пить. Посмотрим... Нужно сосчитать: одна, две, три, четыре, пять... Целых одиннадцать! Что за прелесть! Какие крупные! Дедуля, скушай вот эту.

– Нет, я никогда не ем ни плодов, ни ягод.

– Ты должен, должен, и ты скушаешь. Ну, пожалуйста, дедушка, миленький, пожалуйста.

Но старые губы не разжимались, а молодому роту хотелось ягод. Кончилось тем, что Дороти сама уничтожила всю землянику. После этого она откинулась, с удовольствием прижалась к деду, поглаживая его костлявую руку.

– Я люблю тебя больше всего на свете, – проворковала она.

Много лет прошло с тех пор, как старый сэр Роджер Сезиджер слышал такие слова. В первое время после свадьбы его жена говорила, что горячо любит его. Сын два или три раза старался доказать свою любовь. Но в общем старика было трудно полюбить. Даже любовь леди Сезиджер скоро угасла, потому что муж был так же скуп на ласку, как и на деньги. И вдруг теперь искрящееся энергией, бесстрашное дитя ворвалось в его жизнь, и маленькая курчавая внучка говорила, что любит его. После этих слов старик точно посвежел и помолодел. Неужели

он убьет и ее любовь? Глядя на чернокудрую девочку, он удивлялся и никак не мог понять, почему она его совсем не боялась, почему, в то время как все старались отшатнуться, она радовалась его приближению и звала к себе.

После завтрака он нередко ложился поспать, а в это утро много ходил и двигался, что утомительно для старого человека. Но сегодня ему спать не хотелось. Он невольно крепче обвил руками маленькое существо. Детские губы, еще красные от сока земляники, прижались к морщинистой щеке, и будто что-то горячее, сладостное и волшебное коснулось старого сердца.

– Тебе очень приятно, когда я тебя целую, правда, дедуля?

– Мы не будем об этом говорить.

– Вот и отлично. Я люблю секреты, – заметила Дороти. – И ведь, правда, ты сам будешь учить меня, дедушка? Лучше учи меня ты, а не тетя Доротея, хотя ее я тоже очень люблю.

Несколько минут Дороти сидела молча, обдумывая пришедшую в голову мысль.

– Я хочу, чтобы тетя Доротея стала счастливой, – наконец высказалась девочка. – Мы с тобой могли бы ей в этом помочь. Как ты думаешь? Правда, могли бы?

– Твоя тетя Доротея вполне довольна и совершенно счастлива, – сухо ответил сэр Роджер, которому был неприятен такой поворот беседы. Ему нравилось тайком баловать маленькую Дороти, но совсем не хотелось, чтобы Доротея принимала в этом участие.

– Ей нужно много новых вещей, – продолжала Дороти, не обратив ни малейшего внимания на его последнее замечание. – Ей нужны платья, такие, как были у моей мамы. Мамочка была такая хорошенькая! Как жаль, что ты не видел ее. Ты бы ее полюбил. А вот папа... Но он был совсем ты, только молодой; ты – только не сгорбленный и без морщин на лбу; ты – только с веселым лицом; ты – если бы ты говорил быстро, весело и так, чтобы всех насмешить. Вот какой был мой папа. А теперь он и моя мамочка живут на небесах. У меня остался ты один, дедушка, и, конечно, тетя Доротея тоже. Но я люблю тебя больше, гораздо больше, чем ее. А потому я тебя еще раз поцелую, и, пожалуйста, позволь мне пойти во фруктовый сад и есть столько земляники, сколько мне захочется. Знаешь, прямо с грядки!

Через несколько минут тетя Доротея увидела маленькую фигурку в сильно испачканном белом платье, наклонившуюся над грядкой земляники. И разглядела сгорбленного, очень старого человека, ходившего взад и вперед в том месте фруктового сада, где, как он думал, его было видно меньше всего. Она улыбнулась, но ничего не сказала. Мисс Сезиджер в это время сидела за своим письменным столиком и писала ответ на таинственное и удивительное письмо, которое пришло к ней в это утро. Она собиралась сама пройти через северный лес и положить запечатанный конверт под камень, на котором была высечена буква «Р». Ведь это был тот самый камень, у которого она и Роджер веселились во время устроенного ими пикника в старые добрые времена.

Письмо брата сильно встревожило ее и в то же время очень обрадовало. Прежде всего, теперь ей не нужно было плакать о Роджере, думая, что он лежит в могиле. Уже это одно бесконечно радовало ее. К тому же между ней и Роджером завелась тайна. Бедная мисс Доротея вела такую скучную, ничем не наполненную жизнь, что «секрет» был для нее целым громадным достоянием, целым мирком. Ее совершенно не заботило, в чем провинился брат, какие проступки он совершил. Она уже давно простила ему, что он женился, как выражался отец, «на девушке, стоявшей ниже его», и что он вел рассеянную жизнь блудного сына. Говоря правду, библейский блудный сын уже давно был для мисс Доротеи любимым образом в притчах. Она читала рассказ о нем со слезами и, произнося святые слова, представляла на месте персонажей своих близких. Она часто видела во сне возвращение блудного сына, нередко представляла его себе нуждающимся, нищим и униженным; но больше всего любила мысленно рисовать себе его раскаяние и веселье, начавшееся в доме в честь примирения с ним. И между тем в эти минуты ее охватывала тревога: она невольно сравнивала евангельского отца со старым сэром Роджером Сезиджером и подозревала, что возвращение ее собственного заблудшего брата не

будет сопровождаться радостью и ликованием, и уж тем более старик не прикажет ради этого заколоть откормленного бычка.

Теперь, когда она писала молодому Роджеру, ее опасения немного улеглись. Она, конечно, совсем не желала, по крайней мере сейчас, чтобы брат вернулся в Сторм. Но она во что бы то ни стало решила повидаться с ним. Брата и сестру связывала девочка, склонившаяся над земляничными грядками во фруктовом саду. Это существо в испачканном белом платье превращало связь между ними в неразрывную цепь.

«Дороти должна соединить всех нас», – мысленно сказала себе Доротея.

В эту минуту она не думала об отце, всей душой стремясь лишь встретиться, поговорить с братом, может быть, крепко расцеловать того, кого она столько раз представляла себе мертвым.

Пока бедная Доротея писала письмо Роджеру, она чувствовала себя и счастливой, и печальной. Она сознавала, что ей нужно быть очень осмотрительной, и мысль об осторожности занимала ее. Мисс Сезиджер написала немного слов, стараясь в них скорее скрыть, чем выразить свои чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.